

DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8842

А.Н. МАЛИНКИН¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭНТИМЕМА В МАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ИСКУССТВА В.Н. ВОЛОШИНОВА

(На примере статьи «Слово в жизни и слово в поэзии...»)

Аннотация. На примере статьи «Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики» (1926) автор анализирует социологическую методологию, использованную В.Н. Волошиновым (М.М. Бахтиным, 1895–1975) в ряде публикаций 1920-х гг. и впервые примененную в этой статье. Методология декларируется как марксистская. Доказывается, что ее нельзя однозначно идентифицировать с марксистской, так как она не вполне соответствует основополагающим принципам учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Методология Волошинова-Бахтина обнаруживает концептуальную и предметно-тематическую близость с феноменологической социологией Макса Шелера. Автор считает, что в анализируемой статье предпринята попытка соединить в одном гуманитарно-научном исследовании две философско-социологические методологии. Двойной сравнительный анализ проводится автором в контексте результатов исследований жизни и творчества М.М. Бахтина с целью расширить культурное и науковедческое пространство истории отечественной философской социологии.

Ключевые слова: В.Н. Волошинов; М.М. Бахтин; социологическая методология; марксизм; феноменология; Макс Шелер; феноменологическая социология знания; энтимема.

Для цитирования: *Малинкин А.Н.* Феноменологическая энтимема в марксистской социологии искусства В.Н. Волошинова. (На примере статьи «Слово в жизни и слово в поэзии...») // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 143–170. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8842

Социологический метод в науке о литературе применялся почти исключительно при разработке исторических вопросов, между

тем проблема так называемой «теоретической поэтики» — весь круг вопросов, касающихся художественной формы, ее различных моментов, стиля и проч. — остается социологией незатронутой, писал В.Н. Волошинов в статье «Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики» [6]¹. Существует ложное мнение, продолжал он, которого придерживаются и некоторые марксисты, что якобы «социологический метод вступает в свои права только там, где художественная поэтическая форма, осложненная идеологическим моментом — моментом содержания, — начинает развиваться исторически в условиях внешней социальной действительности» [6, с. 244]. Сама же форма обладает якобы своей особой — не социологической, а специфически художественной — природой и закономерностью. «Такой взгляд в корне противоречит самым основам марксистского метода: его *монизму* и его *историчности*, — утверждал Волошинов. — Разрыв между формой и содержанием, разрыв между теорией и историей — вот результат подобных воззрений» [6, с. 244].

Главный тезис советского ученого, направленный против формального метода в литературоведении и его сторонников, «формалистов» (в качестве примера взяты взгляды П.Н. Сакулина), заключался в том, что на самом деле социологически обусловлено не только содержание художественного произведения, но и сама его форма, что, стало быть, социологически обусловлены все три момента, которые, как он показывает в своей статье, определяют форму художественного высказывания, а именно: 1) иерархическая ценность героя или события, являющегося содержанием высказывания; 2) степень близости его к автору; 3) слушатель и его взаимоотношение с автором, с одной стороны, и с героем — с другой. Таким образом, Волошинов доказывает, что все эти моменты являются «точками приложения социальных сил внехудожественной деятельности к поэзии»: «...художественное творчество со *всех сторон открыто социальным влияниям других областей жизни*. Другие идеологические сферы, особенно социально-политический строй, и, наконец, экономика определяют поэзию *не извне* только, а опираясь на эти внутренние структурные элементы ее» [6, с. 266].

Свою социологическую методологию исследования искусства В.Н. Волошинов характеризовал как марксистскую. Впрочем, это не удивительно: статья, в которой он ее апробирует, опубликована в журнале «Звезда» в 1926 г. Тогда многие советские интеллектуалы, выступавшие публично, заявляли о своей приверженности марксизму. Но это еще не означало, что они не придерживались иных взглядов, может быть, даже противоположных, или не выдавали за марксистский подход его неортодоксальное истолкование. Вот почему сегодня резонно спросить:

¹ Мы исходим из того, что читатель знаком с содержанием статьи либо может ознакомиться с ним, поэтому избавляем себя от необходимости его краткого изложения. Мы также не ставили перед собой задачу реконструкции смыслового содержания и структуры статьи.

является ли социологическая методология Волошинова действительно марксистской? В любом случае, как нам кажется, было бы некорректно заведомо считать ее ни просто марксистской, ни тем более ортодоксально-марксистской лишь на основании заявления самого автора.

Более того, у нас есть основания полагать, что она представляет собой самобытную интерпретацию марксизма, а именно его истолкование, опирающееся на последние достижения философии начала XX века. На декларативном уровне Волошинов выступал с позиций более последовательного марксизма, чем было принято в марксистской социологии искусства 1920-х гг., углублял и развивал «исторический материализм». На самом же деле, как мы считаем, он опирался на *исторический и социологический реализм* в широком смысле этого понятия. Его методология de facto сближается с феноменологической социологией знания в той ее части, в какой последняя затрагивает познание мира средствами художественного (литературно-поэтического) творчества.

Проблема интеллектуальной конспирации

Чтобы доказать это, придется прибегнуть к двойному сравнительному анализу: сопоставить главные принципы учения К. Маркса с методологией Волошинова, примененной в его статье, а последнюю — с «аксиомами» феноменологической социологии знания Макса Шелера. Почему речь должна идти именно о феноменологии, а из ее представителей выбран именно Шелер? Выбор определен объективно установленными научными фактами. Они подтверждены в том числе группой российских исследователей, взявших на себя труд редактировать и комментировать публикацию *научного* «Собрания сочинений» Бахтина в семи томах. Одним из достоверных фактов является установление авторства Бахтина в отношении ряда работ, подписным автором которых был его друг — философ, лингвист и музыковед В.Н. Волошинов, в частности, в отношении статьи «Слово в жизни и слово в поэзии...».

Как известно, Бахтин использовал фамилии и инициалы своих друзей — В.Н. Волошинова, П.Н. Медведева, И.И. Канаева, разумеется, с их согласия, — для публикации произведений, написанных им самим либо совместно с ними. «Авторское участие М.М. Бахтина в этих работах несомненно и подтверждалось автором в разговорах с разными собеседниками, но остаются спорным вопросом степень и формы этого авторства и сотрудничества с подписными авторами» [2, с. 344]. Атмосферу коллективного творчества в бахтинском кружке, объясняющую рождение трудов Бахтина под маской друзей, описывает Н.К. Бонецкая: «В Невеле начал складываться знаменитый бахтинский кружок (М.И. Каган, Л.В. Пумпянский, М.В. Юдина, В.Н. Волошинов, П.Н. Медведев и др.). Это был не просто круг собеседников-единомышленников, но и некое особое творческое единство: до сих пор остается открытым вопрос об авторстве целого ряда книг и статей, подписанных именами членов бахтинского кружка, но излагавших глубинные мысли самого Бахтина. В кружке этом не

существовало, видимо, понятия интеллектуальной собственности, и вырабатывались необычные, доселе не совсем понятные формы коллективного авторства» [4, с. 12]².

Уместно также напомнить, что Бахтин прибегал к литературоведческим изысканиям не из особой любви к литературоведению, а вынужденно. По сути, он использовал их как «эзопов язык» для выражения своих философских взглядов, которые опасался по известным причинам³ развивать открыто в адекватной для них форме. В конце жизни он сам признался в этом литературоведам В.Д. Дувакину и В.В. Кожинуву (последний встречался с Бахтиным вместе с коллегами С.Г. Бочаровым и Г.Д. Гачевым) [3; 9]. Эти свидетельства мы квалифицируем как достоверные *исторические источники*, которые особенно ценны в свете проблемы *преемственности* в российской философии и социологии. Важно для нас и мнение самого Кожинова о Бахтине и, вообще, о русской немарксистской философско-социологической мысли внутри страны. На наш взгляд, прерывание ее *публичной* манифестации в 1930–1950-х блокировало развитие этой мысли в чистой форме выражения, однако все же не привело к полному искоренению и исчезновению. Случай Бахтина — ярчайшее тому подтверждение.

Эта мысль сохранилась в завуалированной форме в литературных и поэтических произведениях («поэт в России — больше, чем поэт»), в живой памяти и культурологических исследованиях таких незаурядных личностей, как Бахтин (Кожинов называет и другие имена, причем их ряд можно продолжить), в коллективной и групповой исторической памяти некоторых культурных кругов советского времени, а стало быть, пусть и глубоко скрыто, также в социальной памяти современного российского общества. То, что, согласно истматовской идиоме, именуют «общественным сознанием», на самом деле куда более сложный культурно-исторический феномен, чем «идеологическая надстройка»,

² Все так называемые «девтороканонические» работы Бахтина, изданные в серии «Бахтин под маской», собраны в одной книге [1]. Здесь же, в сопроводительной статье «“Делу” — венец, или Ещё раз об авторстве М. Бахтина в “спорных текстах”», И.В. Пешков подводит итоги споров об авторстве М.М. Бахтина, подтверждая его с помощью текстологического анализа.

³ 24 декабря 1928 г. М.М. Бахтин был арестован по делу о «подпольной контрреволюционной организации правой интеллигенции» в Ленинграде. За казенной формулировкой ГПУ скрывалось участие Бахтина в религиозно-философском кружке А.А. Мейера «Воскресение». В протоколе допроса Бахтина от 26 декабря 1928 г. на вопрос о его политических убеждениях следователем Строминным сделана следующая запись: «*беспартийный. Маркс. ревизионист. Лоялен к Сов. власти. Религиозен*». Формулировка «марксист-ревизионист» фигурирует и на других страницах дела...», — отмечает Ю.П. Медведев [19, с. 85]. После ареста и освобождения под подписку о невыезде 5 января 1929 г. Бахтин выпал из научной и общественной жизни на три десятилетия.

определяемая «экономическим базисом». Подобно индивидуальному человеческому сознанию, «общественное» имеет своего рода «бессознательный» ментальный уровень [12, с. 191–202], накапливающий внутренние *имманентные* ресурсы и концентрирующий *автономные* силы саморазвития. Зачинателем новых интеллектуальных веяний всегда является талантливая человеческая личность, которой удается реализовать ментальный потенциал социальной и исторической памяти.

Чтобы подтвердить сказанное, приведем важный фрагмент из беседы Кожинова с Н.А. Паньковым, состоявшейся 13 декабря 1991 г. Его осмысление существенно расширяет историко-культурное и науковедческое пространство, способствуя восстановлению «связи времен» в истории отечественной философской социологии [10, с. 5830].

«Вадим Кожинов: <...> Он [Бахтин. — А.М.] с самого начала весьма решительно нам сказал: “Вы имейте в виду, я ведь не литературовед, я — философ”⁴. Это было одно из первых его заявлений. А потом, я не помню, в этот же день или в какой-то из следующих, он опять-таки очень определенно сказал по тем временам достаточно рискованную фразу: “Вы имейте в виду, что я не марксист”. И повторил ее несколько раз, как любил делать иногда.

<...> Кстати, я хотел бы высказать одно очень важное соображение. Вот Бахтин заявил сразу, что он не литературовед, а философ и что литературой он занимается только потому, что чисто философские труды он не смог опубликовать вообще, не смог бы даже рассчитывать на это, поскольку они не соответствуют господствующей идеологии. Ясно, что только в литературоведении для него еще оставалась какая-то отдушина, но и там при таких условиях он почти ничего не смог своевременно опубликовать... Незадолго до войны он написал книгу о немецком романе XVIII века как о своего рода лаборатории, в которой возникла немецкая философия, и сдал ее в издательство “Советский писатель”. Но тут началась война, и книгу эту сожгли.

<...> Я считаю, что вот это гигантское философское напряжение, философская энергия, которая в нем накопилась, брошенная в литературоведение, представьте, дала выдающиеся плоды. Можно, разумеется, возразить, что было бы гораздо лучше, если бы Бахтин написал чисто философские работы. Но, с другой стороны, кто его знает... Мы, я помню, даже с Бочаровым об этом говорили, и как-то оба пришли к тому выводу, что, может быть, это оказалось плюсом, а не только минусом... В частности, потому, что в России вообще философия теснейшим образом связана с литературой. <...> Он [Бахтин. — А.М.] считал, что в России никогда не было настоящей философии, в России было то, что он называл несколько с оттенком снижения “мысли-

⁴ Ср.: «Д[увакин].: Вы были больше философ, чем филолог?» «Б[ахтин].: Больше философ. И таким остался по сегодняшний день. Я — философ. Я — мыслитель» [3, с. 42]. — *Прим. А.М.*

тельством”. <...> И в известном смысле он видел сверхзадачу своей собственной деятельности в том, чтобы, сохранив, конечно, всю гигантскую энергию, весь духовный порыв русской мысли, вместе с тем сделать ее такой же объективной и такой же зрячей, как, допустим, немецкая философия. Он, вообще, считал, что философия есть только немецкая. Он считал, что на базе всего написанного прежде еще только можно начать создание русской философии.

<...> Но мне кажется, что Бахтин сделал то, что должен был сделать. Пусть что-то не прописано, не довершено, однако если по-настоящему пристально, внимательно вглядываться, если дорожить каждой его строкой, каждым ходом его мысли, то можно увидеть, в конце концов, грандиозную философскую систему, совершенно самобытную, очень глубокую... *В основе всех литературоведческих трудов Бахтина лежало то, что он называл “философией диалога”: вся жизнь есть диалог, диалог между человеком и человеком, человеком и природой, человеком и Богом... Даже просто само существование человека, если хотите, — это тоже “диалог”, обмен веществ между человеком и окружающей средой. И в этой связи Бахтин несколько раз повторял такую фразу, что, дескать, объективный идеализм утверждает, будто царство Божие вне нас, а Толстой, например, отстаивает, что оно — “внутри нас”, я же считаю, что царство Божие между нами, между мной и тобой, между мной и Богом, между мной и природой, — вот где царство Божие. И, представьте себе, если книгу Бахтина о Достоевском попытаться прочитать — как это ни кощунственно звучит — “без Достоевского”, как бы отделив от Достоевского ее основные идеи, то получится, с моей точки зрения, самая глубокая философия личности, существовавшая когда-либо. А книга о Рабле — это самая глубокая философия народа» [9, с. 113–115] (курсив наш. — А.М.).*

Слова Бахтина, сказанные о самом себе, ставят вопрос, который, хотя и не обесценивает результаты нашего исследования, заставляет призадуматься: стоит ли выяснять, с каких методологических позиций написана статья Волошинова-Бахтина «Слово в жизни и слово в поэзии...», если сам автор признался, что он не марксист? Проще говоря, зачем ломиться в открытую дверь? Однако не все так просто, как может показаться. «Дверь открыта» лишь наполовину, и оснований, чтобы разбираться по существу, достаточно. В научных дискурсах, как в публичных судебных разбирательствах, подобного рода самопризнания хотя и важны, но не могут считаться *исчерпывающим доказательным аргументом*. Почему?

Во-первых, по предметно-логическим соображениям: человек может *ошибаться, то есть искренне заблуждаться*, в своем философском самоопределении; между тем «со стороны» обычно виднее. Во-вторых, по субъективно-психологическим соображениям: люди не всегда бывают искренни и могут по разным мотивам *вводить в заблуждение* других (аналогия: так называемый «самооговор»). В-третьих, по объ-

ективно-психологическим соображениям: философское мировоззрение личности — не вещь и не религиозная догма, его постоянство сохраняется через периодическую ревизию в условиях влияния на него объективных реально- и культурно-исторических изменений. В данном случае необходимо учитывать тот факт, что дату написания рассматриваемой статьи и время признаний автора разделяют 40 лет бурной истории XX века. Может ли квалификация своих воззрений быть идентична той, что была сорок лет назад, в другую эпоху? Едва ли.

Сложившийся в советские годы взгляд на Бахтина как на литературоведа пересматривается. При этом его заслуги в литературоведении под сомнение не ставятся — речь идет лишь об адекватном понимании философских интенций и реконструкции его идей, упрятанных в культурологических изысканиях по истории и теории литературы, словно в чемодане с двойным дном. О том, насколько он был глубоким философом и социальным мыслителем, свидетельствуют, в частности, опубликованные рукописные материалы из его наследия. В них находятся многочисленные ссылки на философские работы, свидетельствующие о том, что Бахтин был в курсе последних публикаций известных зарубежных авторов. Преобладают ссылки на немецкие источники, в их числе работы Макса Шелера. Очевидно, что они много для него значили и оказали большое влияние на формирование его философских воззрений.

Бахтин следил за творчеством Шелера, как и некоторые представители русской интеллигенции, оставшиеся в Советской России⁵. Он умудрялся доставать книги немецкого религиозного философа-персоналиста, читать и обсуждать их в узком кругу. В книге Волошинова о фрейдизме (с подтвержденным авторством Бахтина) Шелер назван «самым влиятельным немецким философом наших дней — главным представителем феноменологического направления» [7, с. 10]⁶. В на-

⁵ Впрочем, и некоторые большевики, например, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Б. Фогараша, Гр. Баммель, тоже проявляли живой интерес к работам Шелера, имея доступ в спецхраны государственных библиотек, которые продолжали закупать иностранные книги, содержавшие немарксистские идеи.

⁶ Бахтин представляет здесь Шелера как борца с психологизмом и примитивным биологизмом за философский объективизм, питающего «глубокое недоверие к сознанию и его формам» и предпочитающего «интуитивные способы познания». По мнению Бахтина, «все положительные эмпирические науки Шелер, примыкая в этом к Бергсону, выводит из форм приспособления биологического организма к миру» [7, с. 10]. В примечании к этому месту Бахтин ссылается на две шелеровские книги, которые он, как известно, читал: “Phänomenologie und Theorie der Sympathiegefühle”, Halle 1913 г. («Феноменология и теория чувств симпатии»), “Vom Ewigen im Menschen” 1920 г. («О вечном в человеке»). «Русских работ о Шелере нет, — пишет он далее, — за исключением статьи Баммеля: “Макс Шелер,

следии Бахтина сохранились конспекты книги Шелера «Сущность и формы симпатии» в третьем издании 1926 г., которое включало новый третий раздел «О чужом Я» (впервые опубликованный во втором издании 1923 г.⁷). Его-то и конспектировал Бахтин, делая многочисленные выписки⁸. Как пишет В.Л. Махлин, с именем Шелера Бахтин связывал отход от «монологизма», начавшийся в западной философии в 1920-е гг. [17, с. 113].

Таким образом, есть серьезные основания полагать, что именно глубокое осмысление идей Шелера привело Бахтина к концепции *диалогичности* человеческого сознания (и, как верно заметил Кожин, всего человеческого бытия), а также к теории *полифонического* характера романов Ф.М. Достоевского как их главной особенности. Но это были плоды самостоятельного мышления, результаты глубокого творческого переосмысления на новом материале. Подпольная проработка идей немецкого философа в 1924–1925 гг. в узком кругу имела большое значение для духовного развития его участников, хотя это было рискованно. Когда в конце 1928 г. ленинградское ОГПУ выследило Бахтина, на допросе ему пришлось «давать объяснения по поводу двух рефератов, прочитанных им в домашнем кружке, о Максе Шелере» [11, с. 662].

Мы разделяем точку зрения С.Г. Бочарова, который считает, что «поражающие переключки бахтинской теории диалога с немецкой диалогической философией 10–20-х гг. (М. Бубер, Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер)... представляют собой в большей мере, по-видимому, феномен одновременного независимого развития идей, и судить о воздействии западной философии этого направления на становление принципов “Проблем творчества Достоевского” пока затруднительно» [5, с. 469] (курсив наш. — А.М.).

Ревизия марксизма посредством феноменологии?

Но вернемся к поставленному выше вопросу. Был ли Волошинов-Бахтин на самом деле приверженцем материалистического понимания истории и, соответственно, марксистской социологической методологии, либо перед нами глубоко законспирированная феноменологическая социология культуры?

католицизм и рабочее движение” (“Под знам. маркс.”, 7–8, 1926). Шелеру мы посвящаем особую главу в подготовляемой нами к печати книге “Философская мысль современного Запада”» [7, с. 13]. К сожалению, эта книга не была опубликована.

⁷ Доработанная версия «Феноменологии и теории чувств симпатии», в которую вошел новый раздел «О чужом Я», получила новое название: «Сущность и формы симпатии».

⁸ 45 фрагментов на немецком языке [21, с. 656–734]. Обширный конспект в виде выписок из книги сделала Б.А. Бахтина по отметкам супруга. См. также: [22].

Марксистская социология базируется на трех философско-мировоззренческих постулатах и квазиэсхатологическом, облаченном в естественно-научную форму провидении о наступлении эры коммунизма, соединяющем их в монолитное целое:

1) бытие первично, сознание вторично; *бытие определяет сознание*, соответственно, общественное бытие людей (экономический базис) определяет их общественное сознание (идеологическую надстройку); 2) идеи не могут претворяться в действительность сами по себе, они осуществляются только в единстве с реальными жизненными силами: «*Идея*» неизменно *посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»*» [16, с. 89]; 3) жизнь — борьба, *история — это борьба классов*, движение истории происходит благодаря столкновению антагонистических классовых интересов и конкурирующих взглядов на мир; социальный класс, пришедший к власти, устанавливает свое господство путем не только прямого насилия, но и скрытого обмана, облеченного в форму *надстроечной идеологии*, главная цель которой — выдать свои узкоклассовые интересы за интересы всего общества, свое классовое мировоззрение — за единственно адекватное, «общечеловеческое».

Эти принципы связывает воедино сциентистская вера в то, что научное обоснование коммунизма гарантирует *неотвратимость* его пришествия. Научный коммунизм содержит «реально-диалектическую», по сути, прагматистскую установку на революционное преобразование мира, в процессе которого только и может даваться его объяснение, всякий раз истинное относительно конкретно-исторической и общественно-политической обстановки, в которой оно дается. Рассмотрим эти принципы и установку более подробно и сопоставим их с методологией Волошинова-Бахтина.

1. Главным и наиболее общим принципом марксизма является *материализм*: бытие как материальное начало первично, сознание как идеальное начало вторично. Но понятие «материальный» неоднозначно, по меньшей мере двусмысленно. Для К. Маркса и Ф. Энгельса «материальность» общественного бытия означает наличие у людей жизненно важных эгоистических потребностей и *придание таковому статусу естественной каузальной первичности (первопричины)*. Люди рассматриваются как живые социальные существа, которые общественно определенным способом производят продукты, необходимые для удовлетворения своих жизненных потребностей, средства производства этих продуктов, воспроизводят (продолжают) свой род и осознают необходимость всего этого как свои *интересы*. На основе отношений собственности и общности интересов формируются различные социальные классы, причем у высших классов и низших классов общества интересы принимают антагонистический характер, поскольку первые угнетают и эксплуатируют вторых. Таким образом, материальность общественного бытия означает для К. Маркса и Ф. Энгельса в первую очередь укорененность человеческого социума,

всех его явлений и процессов *исключительно* в хозяйстве и, следовательно, определяющее влияние экономических отношений на все прочие. Каков способ общественного производства, таков образ жизни и мыслей людей, утверждают они. Все нематериальное — «идеологическое» в самом широком смысле — рассматривается как зависимое от «материального».

Процесс воспроизводства человека человеком, в частности, воспитания человека в человеке, для основоположников «исторического материализма» вторичен и менее значим, хотя это такой же объективный бытийный процесс, как и хозяйственное воспроизводство человеческого социума, влекущее социально-классовую дифференциацию. Он необходимо связан с рождением человека и воспроизведением его «в человеческом образе», то есть с формированием *индивидуальной личности*, и предполагает реальное существование в социуме разнообразных человеческих общностей (например, семьи, рода, религиозной общины, трудовых общин, товариществ и т. п.), в которых происходят воспитание и обучение. Между тем эта якобы «вторичная» линия общественно-бытийного процесса, неотделимая от хозяйственной, скрывает в себе, с одной стороны, социально опосредованные политические отношения власти и господства, а с другой — социально опосредованные отношения между полами, расами, этносами, многообразные народонаселенческие проблемы. Но для «ортодоксальных марксистов» *ens realissimum*, или общественный «базис», — это естественный хозяйственно-бытийный процесс, детерминированный каузально и разворачивающийся слепо стихийно, поэтому процесс надличностный, обезчеловеченный. Вот почему критически относившиеся к марксизму социальные мыслители называли его «экономическим пониманием истории» или просто «экономизмом».

На декларативном уровне Волошинов-Бахтин принимает «материализм» в его *экономистской* трактовке («...экономика определяют поэзию *не извне* только, а опираясь на эти внутренние структурные элементы ее»), однако фактически его социологическая методология свободна от него в своем практическом применении. То, на чем Волошинов-Бахтин акцентирует внимание, выдавая за материализм, есть не что иное, как наиболее общий онтологический принцип — принцип приоритета бытия над сознанием, *реализм*. Смысл принципа реализма трактуется им максимально широко — в *тотальном* и поэтому *сверхсильном* смысле, поскольку реалистически понятое общественное бытие определяет художественное сознание не только *извне* (через материальные условия жизни писателя в обществе), но и *изнутри* (как будет показано ниже — через ценностные приоритеты автора при выборе темы, материала, через его отношение к «слушателю», к своему герою и т. д.). Вот почему, по его мнению, общественное бытие определяет не только содержание произведения искусства, но также его форму и стиль.

Ввиду такой *сверхсильной программы в социологии культуры* многим авторитетным эстетикам, искусствоведам, социологам искусства, считавшим свои взгляды ортодоксально-марксистскими, ничего не оставалось, наверное, как только руками развести. Убийственная для «формалистов» тотальная трактовка принципа детерминизма делала Волошинова-Бахтина еще большим марксистом, чем, например, Г.В. Плеханов, В.М. Фриче, А.В. Луначарский и др. *Но только на декларативном уровне*. На уровне применения объявленная методология претерпевает у него чудесные превращения: *макросоциологическая* оптика тотчас подменяется *микросоциологической*, экономизм — реализмом, а тотальный детерминизм — феноменологическим *холизмом* с философско-антропологической подкладкой, специфичной для «*метасоциологии*» Макса Шелера⁹.

На самом деле Волошинов-Бахтин исходит из первоначально данной *целостности* жизненной ситуации, в которой смысл сказанных в жизни слов *молчаливо* дополняется смысловым единством одной *социально-бытийной общности*, то есть единством одного *жизненного мира*, к которому принадлежат собеседники. Высказывание в жизни, пишет он, «всегда связывает между собой участников ситуации как *соучастников*, одинаково знающих, понимающих и оценивающих эту ситуацию. *Высказывание, следовательно, опирается на их реальную, материальную принадлежность одному и тому же куску бытия, давая этой материальной общности идеологическое выражение и дальнейшее идеологическое развитие*» [6, с. 250–251].

Отметим, что «идеологию» Волошинов-Бахтин понимает предельно широко и почти всегда однозначно. Для него «идеологическое» — это все идеальное, противоположное «материальному», то есть реальному бытию, действительной жизни. Такое понимание идеологии, когда она фактически полностью отождествляется с надстройкой, конечно, встречается у К. Маркса и Ф. Энгельса, но, по нашему мнению, не является для них основным и специфическим [15]. Оно было свойственно также части советских марксистов, но вызывало резкие возражения у другой их части. Об этом свидетельствует «спор об идеологии», развернувшийся в двух большевистских журналах [14, с. 142–143].

Для Волошинова-Бахтина важно подчеркнуть несводимость идеологического к психологическому. Так, в другой работе В.Н. Волошинова (в которой авторство М.М. Бахтина также достоверно установлено)

⁹ Общая формула исторического реализма Шелера, по видимости сближающего его с историческим материализмом, а по сути трансформирующая его философскую антропологию в «*метасоциологию*» (термин Шелера: [22, с. 197]), гласит: «Да, в конечном счете для нас в полной мере сохраняет значимость положение Карла Маркса о том, что именно бытие людей (правда, не только их экономическое, “материальное” *бытие*, как в отличие от нас считает Маркс) является тем, что направляет все их возможное “*сознание*”, “*знание*”, определяет границы их понимания и переживания» [23, с. 8].

читаем: «В марксистской литературе нет еще законченного и общепризнанного определения специфической действительности идеологических явлений. В большинстве случаев их понимают как явления сознания, то есть психологистически». В примечании к первому предположению он пишет: «*Основоположниками марксизма дано определение места идеологии в единстве социальной жизни: идеология как надстройка, отношение надстройки к базису и т. д.* Что же касается до вопросов, связанных с материалом идеологического творчества и с условиями идеологического общения, то эти вопросы, второстепенные для общей теории исторического материализма, не получили конкретного и законченного разрешения» [8, с. 7] (курсив наш. — А.М.). Ответы на эти «вопросы» стали главной задачей философско-социологического поиска Волошинова-Бахтина, посредством которого он рассчитывал творчески развить и дополнить «теорию исторического материализма».

Внесловесная ситуация, продолжает он, не является только внешней причиной высказывания, она не воздействует на него извне, как механическая сила. «Нет, *ситуация входит в высказывание как необходимая составная часть его смыслового состава.* Следовательно, жизненное высказывание, как осмысленное целое, складывается из двух частей: 1) из словесно-осуществленной (или актуализованной) части и 2) из подразумеваемой. Поэтому можно сравнить жизненное высказывание с “энтимемой”. Однако эта энтимема особого рода. Самое слово “энтимема” (энтимема в переводе с греческого значит “находящееся в душе”, “подразумеваемое”), равно как и слово “подразумеваемое”, звучит слишком психологически. Можно подумать, что ситуация дана в качестве субъективно-психического акта (представления, мысли, чувства) в душе говорящего. А между тем это не так: индивидуально-субъективное отступает здесь на задний план перед *социально-объективным.* То, что я знаю, вижу, хочу и люблю, не может подразумеваться¹⁰. Только то, что мы все говорящие знаем, видим, любим и признаем, в чем мы все едины, может стать подразумеваемой частью высказывания. Далее, это социальное в основе своей вполне объективно: ведь это прежде всего *материальное единство мира*, входящего в кругозор говорящих (комната, снег за окном — в нашем примере), и *единство реальных жизненных условий*, порождающих *общность оценок*: принадлежность говорящих к одной семье, профессии, классу, какой-нибудь иной социальной группе, наконец, к одному времени, ведь говорящие — современники. Подразумеваемые оценки являются поэтому не индивидуальными эмоциями, а социально закономерными, необходимыми актами. *Индивидуальные* же эмоции только как *обертоны* могут сопровождать *основной тон социальной оценки*: “я” может реализовать себя в слове, только опираясь на “мы”» [6, с. 251].

¹⁰ Ср. с проблемой языка, которую Л. Витгенштейн назвал «жук в коробке». — *Прим. А.М.*

Сравним эти суждения Волошинова-Бахтина с первой «высшей аксиомой социологии знания» Шелера: «Знание каждого человека о том, что он — “член” общества, — не эмпирическое знание, а “*a priori*”. Оно генетически *предшествует* этапам его так называемого самосознания и сознания собственной ценности: не существует “я” без “мы”, и “мы” генетически всегда раньше наполнено содержанием, чем “я”. [*Детальное теоретико-познавательное обоснование этого положения дано в последней части (С) моей книги “Сущность и формы симпатии” (1923).]» [23, с. 50]¹¹. Да, смысл первой аксиомы настолько широк, что высказывание Волошинова-Бахтина о том, что «“я” может реализовать себя в слове, только опираясь на “мы”», утопает в ней и как бы теряется. Но самое главное остается очевидным: онтологический и ценностный приоритет «мы» над «я», социальной общности — над индивидуумом, ценностей и оценок социальной общности — над ценностями и оценками индивидуальной личности.

«Таким образом, каждое жизненное высказывание является объективно-социальной энтимемой, — заключает Волошинов-Бахтин. — Это как бы “пароль”, который знают только принадлежащие к тому же самому социальному кругозору. В том и особенность жизненных высказываний, что они тысячью нитей вплетены во внесловесный жизненный контекст и, будучи выделены из него, почти полностью утрачивают свой смысл: кто не знает их ближайшего жизненного контекста, тот не поймет их. <...> Но тот единый кругозор, на который опирается высказывание, может расширяться и в пространстве, и во времени: *бывает “подразумеваемое” семьи, рода, нации, класса, дней, лет и целых эпох*» [6, с. 251, 252]. Здесь, как мы видим, Волошинов затрагивает фундаментальную феноменологическую проблему социокультурных предпосылок понимания и знания, значимых для пространственных кругов и временных длительностей различного масштаба. Это, в частности, проблема расовых, цивилизационных, национально-культурных, социально-классовых предрассудков, о которых много писал Шелер. Вместе с тем разгадка объективно-социальных энтимем — проблема *философско-социологической герменевтики*. Она дает ключ к выходу из «герменевтических кругов» и, что еще важнее, как считал М. Хайдеггер, — ко входу в них.

Фактически принцип реализма (онтологизм) воплощается у Волошинова-Бахтина, во-первых, в приоритете слова в жизни над литературным словом; во-вторых, в приоритете внесловесной жизненной ситуации над словом в жизни; в-третьих, в приоритете общественных условий и социальной общности как социально-бытийного контекста взаимодействия между говорящим и понимающим над конкретной жизненной ситуацией.

«Жизненный смысл и значение высказывания (каковы бы они ни были) не совпадают с чисто словесным составом высказывания, — ре-

¹¹ См. также: [22, с. 227–229, 241–242].

зюмирует он. — Сказанные слова пропитаны подразумеваемым и несказанным. То, что называется “пониманием” и “оценкой” высказывания (согласие или несогласие), всегда захватывает вместе со словом и внесловесную жизненную ситуацию. Жизнь, таким образом, не воздействует на высказывание извне: она проникает его собою изнутри, как то единство и та общность окружающего говорящих бытия и выросших из этого бытия существенных социальных оценок, вне которых никакое осмысленное высказывание невозможно. Интонация лежит на границе жизни и словесной части высказывания, она как бы перекачивает энергию жизненной ситуации в слово, она придает всему лингвистически устойчивому живое историческое движение и однократность. Наконец, высказывание отражает в себе социальное взаимодействие говорящего, слушателя и героя, является продуктом и фиксацией на материале слова их живого общения» [6, с. 256–257]. Мы не находим в этих словах ни специфически марксистской («материалистической» — в смысле экономистской) трактовки бытия, истории и общества, ни каких-либо следов специфически марксистской (так называемой «реальной») диалектики, необходимо опирающейся на революционную практику. Перед нами, скорее, феноменологическая методология познания особенностей художественного творчества, отправным пунктом для которой являются созерцание феномена целостности жизненного мира, его структурный анализ и последующее сравнение с тем, как он преломляется в творческом сознании художника.

2. Онтологическая холистская трактовка принципа реализма упраздняет проблему идеализма, «самовластия идеи». Волошинов-Бахтин полагает, что идеи претворяются в жизнь только в единстве с реальными жизненными силами. Об этом он прямо говорит, когда пишет об *интонации*, которая «как бы перекачивает энергию жизненной ситуации в слово» и «придает всему лингвистически устойчивому живое историческое движение». Мы утверждаем, что и в этом вопросе он следует за Шелером, который, в свою очередь, идет за К. Марксом, но как его интерпретатор: истолковывает взаимодействие реальных и идеальных факторов в истории и обществе путем переосмысления понятия «сублимации» З. Фрейда [13, с. 194–204]. Заметим, что «интонация», о которой пишет Волошинов-Бахтин, — не житейская мелочь; в искусстве и литературе она играет важную роль и имеет большое значение для тех знатоков искусства, которые способны улавливать интонационные нюансы.

Интонация, согласно Волошинову-Бахтину, предполагает, во-первых, «общность подразумеваемых основных оценок», во-вторых, установку «на возможное сочувствие, на возможную хоровую поддержку» (и то и другое относится к аспекту интонации, обращенной к слушателю); в-третьих, *героя* как третьего участника, часто представленного лишь метафорически в виде незримых сил природы или общества. На наш взгляд, концепция художественной интонации Волошинова-

Бахтина — это выдающийся результат феноменологически-социологического исследования. «*Интонация и жест активны и объективны по своей тенденции*. Они выражают не только пассивное душевное состояние говорящего, но в них всегда заложено живое, энергичное отношение к внешнему миру и к социальному окружению — к врагам, друзьям, союзникам, — писал он. — Интонируя и жестикулируя, человек занимает активную социальную позицию к определенным ценностям, обусловленную самыми основами его общественного бытия. Именно эта объективно-социологическая, а не субъективно-психологическая сторона интонации и жеста должна интересовать теоретиков соответствующих искусств, так как в ней заложены и эстетически-творческие, созидающие и организующие художественную форму силы этих явлений» [6, с. 255].

3. Что касается третьего философско-мировоззренческого принципа марксизма (жизнь — борьба, история — это борьба классов и т. д.), то в статье Волошинова-Бахтина мы вообще не находим идейного мотива, который мобилизует революционное отрицание, насилие как «повивальную бабку истории» (К. Маркс), возлагает надежды на творческую силу «отрицания отрицания» (в экономистской доктрине К. Маркса — на «экспроприацию экспроприаторов»). Этот мотив, по сути своей конфликтогенный, экспансионистский, полностью отсутствует, как и характерные для «ортодоксальных марксистов», отличающих диалектику Гегеля от «реальной диалектики» Маркса, призывы к осуществлению идеалов коммунизма в практической революционной работе. Почему?

Самый простой и очевидный ответ: потому что Волошинов-Бахтин — не «ортодоксальный марксист» и не коммунист. Более сложный и не столь очевидный ответ опирается на различие двух разнонаправленных ветвей социологического поиска, предложенное Шелером в 1926 г.: социология делится на «социологию реальности», или «реальную социологию» (Realsoziologie), и «социологию культуры», или «культурную социологию» (Kultursoziologie). Марксистская социология — типичная «социология реальности», тогда как социология слова, литературы и искусства Волошинова-Бахтина — типичная «социология культуры». Основанием для различения этих двух направлений Шелер считал не только укорененность их объектов в противоположных сферах бытия, но и противоположную направленность конечных (целевых) исследовательских интенций субъекта социального познания [23, с. 9–11].

Действительно, исследовательские интенции Волошинова-Бахтина направлены на выявление и понимание смысла, который в рамках его подхода есть нечто самоценное, самоцельное и поэтому окончательное. Даже если экономика, политика, другие реальные факторы и упоминаются в его исследовании, то, коснувшись их, оно тотчас воспаряет в идеальную сферу сущностных смыслов, смысловых

структур, ценностей и значений. В текстах основоположников марксизма и теоретиков большевизма наблюдается прямо противоположное: их исследовательские интенции направлены в конечном счете на выявление экономических, политических и других реальных факторов, скрытно действующих, подобно законам природы, за культурным фасадом идеальной сферы и тайно определяющих за спинами мыслящих людей фактический образ их мыслей. Даже если о смыслах и заходит речь, то для того лишь, чтобы показать иллюзорность их суверенности, сущностную зависимость от экономики, политики и иных объективных реальных сил.

Следует констатировать: *реалистически холистская* методология Волошинова-Бахтина не имеет ничего общего с *натуралистически редуционистской* марксистской методологией, посредством которой все многообразие человеческих социокультурных смыслов в конечном счете сводится к вопросу “*cui prodest?*” — вопросу, заставляющему системно-обоснованно подозревать любого мыслителя («идеолога») в сокрытии истины ради корыстных интересов (в конечном счете «материальных») на основании его принадлежности к господствующему классу, идеологически разоблачать и политически преследовать классовых врагов.

Тому, кто изучает феномены культуры *изнутри* культуры с целью ее творческого развития и ради создающего ее человека-творца (не путать с концепцией «искусства для искусства!»), нет нужды вводить чуждое для гуманитарной и специфическое для политической сферы деление людей на «врагов» и «друзей», обусловленное принадлежностью к определенному социальному классу [14, с. 144–145]. Волошинов-Бахтин критикует своих оппонентов жестко, но всегда конструктивно, изнутри предмета (по его выражению, «имманентно») ¹², ибо его цель — не изобличить, чтобы сделать оргвыводы. У него цель иная: определить путь, следуя по которому можно выявить оценки, скрытые в до-рефлексивном отношении человека к реальному бытию и делающие это бытие культурным феноменом, — оценки, обусловленные принадлеж-

¹² Пример — статья П.Н. Медведева (Бахтина) «Социологизм без социологии. (О методологических работах П.Н. Сакулина)», опубликованная в № 2 журнала «Звезда» за 1926 г. Статья полностью посвящена критике. Методология Сакулина квалифицируется как эклектичная, ибо, как доказывает Медведев-Бахтин, предполагает *метафизический дуализм* содержания и формы. «Коренная ошибка П.Н. Сакулина именно в том и заключается, что социологизм отнюдь не “насквозь пропитывает” его методологию. Осуществление же методологического монизма, серьезно и основательно опирающегося на диалектический материализм, могло и должно было бы заключаться только в этом. Нужно было шире понять сферу применения социологического метода» [18, с. 70]. В статье «Слово в жизни и слово в поэзии...», опубликованной через 4 месяца, Волошинов-Бахтин раскрывает позитивный смысл этого «более широкого понимания».

ностью оценивающего к эпохе, классу, народу, группе, семье и т. д., но при этом усмотреть *подлинную глубинную сущность* феномена культуры, его инвариантное ядро, структуру — нечто абсолютное, а не всякий раз относительное. Это путь феноменологически-социологического исследования предпонимания и предзнания, необходимо связанный с выявлением интуитивного ценностного чувствования и ценностного переживания, — путь, впервые проложенный Шелером в его «материальной этике ценностей» в 1913–1915 гг. [25].

«Подразумеваемым оценкам принадлежит при этом особенно важное значение. Дело в том, что все основные социальные оценки, непосредственно вырастающие из особенностей экономического бытия данной группы, обычно не высказываются: они вошли в плоть и кровь всех представителей этой группы; они организуют действия и поступки, они как бы срослись с соответствующими вещами и явлениями и потому не нуждаются в особых словесных формулировках, — пишет Волошинов-Бахтин, словно подготавливая читателя к тому, что Э. Гуссерль называл “феноменологически-психологической” редукцией или нейтрализацией “генерального тезиса” “естественной установки” (по Шелеру, речь идет об осознании данного до-рефлексивно группового “естественного мировоззрения”, воспринимаемого как нечто само собой разумеющееся [24, с. 180–181]). — Нам кажется, что мы воспринимаем ценность предмета вместе с его бытием, как одно из его качеств, что, например, вместе с теплом и светом солнца мы ощущаем и его ценность для нас. И так срослись с оценками все явления окружающего нас бытия. Если оценка действительно обусловлена самим бытием данного коллектива, то она признается догматически, как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее дискуссии. Наоборот, где основная оценка высказывается и доказывается, там она стала уже сомнительной, отделилась от предмета, перестала организовать жизнь и, следовательно, утратила свою связь с условиями бытия данного коллектива. <...> Можно сказать, что *поэтическое произведение — могущественный конденсатор невысказанных социальных оценок*: каждое слово его насыщено ими. Эти-то *социальные оценки и организуют художественную форму как свое непосредственное выражение*» [6, с. 253, 258].

Не может не восхищать *суверенность* образа мыслей Бахтина. Он не копирует чужие взгляды, не допускает заимствований из текстов почитаемых им немецких философов, не пересказывает их. Глубоко осмыслив идеи Шелера, он апробирует разработанную им феноменологическую методологию на новом предмете и приходит к оригинальным выводам. Но вот что характерно: если отбросить неизбежные в то время ритуальные декларации, то аналогичную дистанцию Бахтин выдерживает по отношению к идеям и другого немца — К. Маркса. De facto он не принимает его философию подозрения, сциентистский экономизм и революционаристский прагматизм в блестящей диалектической упаковке. Такое отношение говорит о собственном *интел-*

лектуальном достоинстве выдающейся личности, которое позволяло сохранять *самостоятельность* мышления и особенности национально-культурной ментальности. Этих качеств недоставало большевикам.

**Ортодоксально-марксистская социология искусства:
экземплификация для контраста**

Марксистско-ленинский социологизм требовал не выявления подлинного смысла феномена для его последующего адекватного *понимания*, а *объяснения* социально-исторических и культурных процессов и явлений — объяснения с точки зрения «классового подхода», то есть соответствия их либо несоответствия «интересам пролетариата» в его классовой борьбе с буржуазией за власть в государстве с целью последующей ликвидации капитализма и революционного преобразования общества в коммунистическое. Приведем для контрастного сравнения типичный пример использования марксистско-ленинской методологии в социологии культуры. Таковой мы находим в докладе П.И. Новицкого¹³, стенограмма которого была опубликована в «Вестнике коммунистической академии» в 1928 г. [20]. Он хорош тем, что автор уже в самой постановке проблемы с большевистской прямотой формулирует принципы своего подхода, определяет понятия и цели.

«Юбилей Московского Художественного театра имел крупное общественное значение. Поэтому можно говорить о социологии юбилея. Под социологией юбилея МХТ следует разуметь вскрытие социального смысла тех событий, которые связаны с организацией и с проведением юбилея. Необходимо выяснить вопрос, какие социальные силы использовали юбилей Московского Художественного театра в своих интересах. Необходимо выяснить, способствовал ли юбилей МХТ приближению этого театра к культурным задачам пролетарской революции, или же в результате юбилея театр укрепился на прежних позициях. Способствовал ли юбилей МХТ развитию советского театра или затормозил это развитие? И какую роль во всем этом процессе сыграла марксистская критика?» [20, с. 189].

Тов. Новицкий, будучи превосходным знатоком театра, оценивает социальную значимость и культурный смысл тридцатилетнего юбилея МХТ не только с общественно-средовой стороны, но и со стороны тончайших интонационных нюансов, которые театр стремится донести до зрителя через выбор репертуара, режиссерские решения, через игру актеров, их слова и жесты. Его интересует, какой эмоциональный настрой театр создает у зрителя, каков характер атмосферического

¹³ Новицкий Павел Иванович (1888–1971) — советский искусствовед, театальный критик, театровед и литературовед, педагог, государственный деятель. Ректор ВХУТЕМАСа/ВХУТЕИНа (1926–1930), профессор Высшего театрального училища имени Б.В. Шукина. Автор трудов по проблемам литературы, драматургии, театра и архитектуры.

воздействия театральных постановок на современную аудиторию. Пессимизму и скептицизму, уходу от действительности не место в советском театре, ибо они на руку идеологическим врагам рабочего класса, считает тов. Новицкий.

«Следует подчеркнуть обозначившееся за последние три года, усиливающееся с каждым годом стремление овладеть театром в идеологических интересах буржуазии, — пишет он. — Захват некоторых секторов нашего советского театра буржуазией не следует понимать в буквальном смысле. Это не использование театра для политического нападения на рабочий класс. Это — использование театра для проведения буржуазных влияний на современную аудиторию. Когда драматург и режиссер протестуют против политики в искусстве, против политики в театре, когда театр рассматривается как место отдыха и покоя, когда идеологи создают теорию искусства-сновидения, когда в пьесах проводятся социальный скептицизм, пессимистические настроения и ироническое отношение к нашему строительству, то разве все это не является выражением идеологического захвата театра буржуазией и мещанством? Едва ли буржуазия и мещанство могут избрать более открытую и прямую форму нападения и борьбы. Они избирают самые тончайшие формы идеологической борьбы. И вопрос о методе научного исследования и методе преподавания становится, в сущности, глубочайшим и острейшим вопросом политической классовой борьбы» [20, с. 194–195].

Тов. Новицкий критикует тов. А.В. Луначарского за его панегирик МХТ как театру чистого искусства и «вечных ценностей». «Когда утверждается, что искусство является методом познания, и не делается больше никаких оговорок, указывающих на целеустремленность искусства, мы имеем дело с фатальной теорией буржуазного искусствознания, с теорией познания ради познания. А нам кажется, что искусство не является самодовлеющим незаинтересованным познанием, оно является *заинтересованным познанием с целью изменения действительности*. А нам кажется, что познание является *средством, а не целью, носит подсобный, подчиненный характер, одинаково и в науке, и в искусстве, и в политической борьбе*. Центр тяжести для пролетарской теории переносится с момента познания на непосредственное и опосредованное строительство жизни. *В состав понятия искусства входит и должно входить понятие цели*, и отличие пролетарского искусствознания от буржуазного заключается в построении теории искусства на целевом признаке. А с тем определением, какое дал тов. Луначарский, развивать искусство театра и подчинять его задачам и целям пролетарской революции нельзя, то есть теоретически нельзя предъявить таких требований к театру, исходя из такого определения, потому что это определение подразумевает бездейственность и пассивность созерцания и восприятия, основано на принципе обезволения и увода от действия и действительности» [20, с. 196].

Выводы тов. Новицкого угрожающие и звучат как приговор. «В организации юбилея советские и пролетарские силы не принимали участия. Юбилей был использован полностью в культурно-идеологических интересах буржуазии и мещанства. <...> Не было написано ни одной марксистской статьи и не было издано ни одной марксистской брошюры. В брошюре П.С. Когана марксизм и не ночевал. Следует отметить большую слабость марксистского театроведения и искусствоведения вообще. <...> Но социальные функции юбилеев заключаются еще в установлении путей дальнейшего развития. Эти пути не были намечены, не были никем сформулированы. <...> В результате юбилея укрепилась правая оппозиция в театре и укрепилась правая опасность на этом участке нашего идеологического фронта. Мы не руководили, но сами были пленены» [20, с. 202–203].

Трудно найти что-то общее в социологических подходах Волошинова-Бахтина и Новицкого. Первый подход — миролюбивый, академичный, второй — воинствующий, конфронтационный. Оба позиционируются как марксистские. Но «правомерно»-марксистским является *реально-социологический* подход Новицкого. Между тем нельзя сказать, что *культурно-социологический* подход Волошинова-Бахтина марксистский всего лишь номинально. Перед нами, скорее, то, что называют «академическим» или «творческим» марксизмом. Эти понятия обозначают аспекты оценочного отношения к марксизму на фоне того широкого и мощного течения европейской философско-социологической мысли конца XIX — первой трети XX в., в котором идеи К. Маркса и Ф. Энгельса пытались «скрестить» с идеями ее ведущих направлений. Понятие «неомарксизм» закрепилось прежде всего за идейным течением, которое берет начало с книги Г. Лукача «Марксизм и классовое сознание», идет к социальной философии Франкфуртской школы» и т. д. Но в *чисто формальном и самом широком смысле* оно применимо и в данном случае, поскольку налицо примерно такие же историко-философские основания, на которых образовались понятия «неокантианство», «неовитализм», «неотомизм» и т. п. Единственным и главным отличием в этих основаниях является то, что неомарксизм унаследовал от марксизма политически-идеологический характер, хотя почти полностью утратил практически-политическую направленность.

С.Г. Бочаров усматривает «ключ к бахтинской социологии этих лет» (имеется в виду вторая половина 1920-х гг.) в его показаниях на допросах в ленинградском ОГПУ. «28 декабря 1928 г., — пишет Бочаров, — он свидетельствовал о двух рефератах о Максе Шелере, прочитанных им в домашнем кружке: “Первый реферат был об исповеди¹⁴. Исповедь, по Шелеру, есть раскрытие себя перед другим, делающее социальным (‘словом’) то, что стремилось к своему асо-

¹⁴ Реферат был сделан по фрагменту из книги Макса Шелера «О вечном в человеке» (1920). — *Прим. А.М.*

циальному внесловесному пределу ('грех') и было изолированным, неизжитым, чужеродным телом во внутренней жизни человека". Если это изложение Шелера, то изложение в своих, бахтинских, координатах, — констатирует Бочаров. — Грех и слово — два предела такой социальной модели: асоциален (и внесловесен) грех, социально — слово. Социальное же событие изживания греха через слово — исповедь. *Эта тонкая социология духовного события (что в позднейшем автокомментарии будет названо "внутренней социальностью", в отличие от "внешней" и "вещной")... — что общего она имеет с грубым "внешним" социологизмом эпохи?»* [5, с. 469] (курсив наш. — А.М.).

Из этого правильного умозаключения и вопроса было бы неверно делать вывод (которого Бочаров избегает), будто вся сопряженная с марксистским языком социология Бахтина 1920-х гг., появляющаяся в работах, опубликованных под именами его друзей, — всего лишь маскировочный маневр, не имеющий в творческой эволюции Бахтина существенной внутренней основы, лишенный всякой имманентной логики. «Экзистенциальная социология слова в изложении Шелера Бахтиным помогает понять причину одновременного выхода на поверхность в его теории (в "девятнадцатых канонических" текстах) социологических категорий и его философии слова: первым обнаружением такого союза категорий того и другого ряда стала статья 1926 г. "Слово в жизни и слово в поэзии", два эти ряда терминов взаимодействуют и в "Проблемах творчества Достоевского"», — справедливо заключает Бочаров [5, с. 469]. Здесь мы сталкиваемся уже с неоднозначностью понятия «социология». «Экзистенциальная социология слова» — это не «реальная социология» базиса и надстройки, а феноменологическая «социология культуры»: ее предмет — социальная природа индивидуально-личностных и групповых переживаний, мыслей и актов сознания.

От социологии поэтики к социологии художественного сознания

Благодаря интеллектуальной насыщенности и выразительной плотности текста, когда «словам тесно, а мыслям просторно» в буквальном смысле, Волошинову-Бахтину удалось в небольшой по объему работе (1,5 а. л.) сформулировать сразу несколько оригинальных концепций, которые, как нам кажется, до сих пор представляют интерес. Одна из них (концепция художественной интонации) упоминалась выше. Наиболее выдающимся достижением Волошинова-Бахтина в этой статье является, однако, *социогенетическая* концепция художественного сознания, изложенная вкратце в виде наброска. Совершенно очевидно, что в данном случае речь может и должна идти о социальной природе не только художественного сознания, но человеческого сознания вообще!

«Всякий сколько-нибудь отчетливый акт сознания не обходится без внутренней речи, без слов и без интонации — оценок и, следовательно, уже является социальным актом, актом общения, — пишет он. — Даже наиболее интимное самоосознание есть уже попытка перевести себя на

общий язык, учесть точку зрения другого, и, следовательно, включает установку на возможного слушателя. Этот слушатель может быть только носителем оценок той социальной группы, к которой принадлежит сознающий. В этом отношении *сознание*, поскольку мы не отвлекаемся от его содержания, уже *не есть только психологическое*, но прежде всего *идеологическое явление, продукт социального общения*. Этот постоянный *соучастник* всех актов нашего сознания определяет не только его содержание, но — что является для нас главным — и самый *выбор* содержания, выбор того, что именно осознается нами, и, следовательно, определяет и те *оценки*, которые проникают собою сознание и которые психология называет обычно “эмоциональным тоном” сознания. Слушатель, определяющий художественную форму, и рождается именно из этого постоянного участника всех актов нашего сознания» [6, с. 265–266].

Волошинов-Бахтин исходит из феномена бессознательной, до-рефлексивной связи каждого человека с другими людьми и социумом — связи, конституирующей специфически человеческую социальность. В феноменологии он был назван позднее «*интерсубъективность*». Автор статьи описывает генеалогию и тройственную структуру человеческого сознания в его социальном измерении с помощью понятий «социальная группа» и «слушатель». «Слушатель» — это тот «*Другой*» как *представитель некоей референтной социальной группы*, на точку зрения которого *творческое «я»* ориентируется и которую надлежит учесть, поскольку она *высоко ценима*. При этом общим фоном и горизонтом сознания в качестве третьего фундаментального элемента всегда служит *Социум*, вмещающий не только референтную социальную группу, но и другие группы с возможными другими «слушателями» в их необозримом множестве. Таким образом, Волошинов-Бахтин исходит из *факта существования объективной нематериальной над- и меж-субъектной социальной реальности, которая первоначально дана каждому бессознательно*. За рамками статьи остается более общий и абстрактный вопрос о том, как эта реальность осознается и трансформируется впоследствии. Этот процесс необходимо связан со становлением человека личностью.

Феноменологическая социология знания Шелера выявляет этапы формирования индивидуально-личностного сознания в социуме, фиксируя в то же время его сущностные константы в виде несводимых друг к другу измерений, или «сфер». Если вторая «высшая аксиома» социологии знания Шелера определяет способы социальной связи в «совместном мышлении, волеии, любви и ненависти», а также формы передачи информации и знания в «групповой душе» и «групповом духе», то третья и последняя аксиома конкретизирует ту *генетически-феноменологическую идею*, которая в первой «высшей аксиоме» об онтологическом и аксиологическом приоритете «мы» над «я» затрагивалась вскользь. Она гласит: «...существует твердый закон *порядка* происхождения нашего знания о реальности — то есть знания о “том, что способно воздействовать” на нас, — а также *порядка* наполнения

[содержанием] постоянно присущих человеческому сознанию сфер знания и коррелятивных им *предметных сфер*» [23, с. 53]. Характер действия этого феноменологического «закона порядка» Шелер поясняет следующим образом: «На каждой стадии развития какая-либо одна из этих сфер всегда уже “наполнена” [содержанием], в то время как другая еще нет; или одна наполнена определенным [содержанием], другая — еще неопределенным. Далее, в то время как относительно реальности определенного в своем так-бытии предмета внутри какой-либо из этих сфер можно еще “сомневаться” или вопрос о ней может еще “оставаться открытым”, относительно реальности определенного в своем так-бытии предмета внутри другой сферы больше нет “сомнений” или вопрос о ней не может больше “оставаться открытым”» [23, с. 54–55].

Шелер поднимается здесь на более высокий уровень философской абстракции по сравнению с уровнем художественно-творческого сознания, который анализировал Волошинов-Бахтин. Это позволяет ему делать и более широкие обобщения. Он перечисляет упомянутые выше «несводимые друг к другу бытийные и предметные сферы» в последовательности, соответствующей тому «*сущностно-закономерному порядку в их данности и предданности*», который остается «*неизменным при любом возможном развитии человека*». «Это а) *абсолютная сфера действительного и ценного, святого*; б) *сфера современников, предков и потомков, то есть сфера общества и истории, соответственно, “другого”*; в) *сфера внешнего мира и мира внутреннего, а также сфера собственного тела и его окружения*; г) *сфера подразумеваемого “живым”*; д) *сфера мертвого и представляющегося “мертвым” мира тел.* <...> Фундаментальное для целей социологии знания положение гласит: “социальная” сфера “современников” и историческая сфера предков является по отношению ко всем следующим за ней сферам предданной: а) по реальности, б) по содержанию и по определенности содержания. “Ты-йность” (“*Du-heit*”) — основополагающая экзистенциальная категория человеческого мышления» [23, с. 54, 55].

Волошиновско-бахтинская социогенетическая концепция художественного сознания вполне вписывается в шелеровскую феноменологическую социологию знания, хотя ни о каких заимствованиях здесь, как и в других случаях, не может быть и речи. Перед нами самостоятельная концепция. Ясное сознание близости, если не сказать *конгенитальности*, двух мыслителей возникает потому, что, во-первых, они применяют, по сути, одну и ту же — *феноменологическую* — методологию (хотя Волошинов по понятным причинам не употребляет многие специфические для нее термины-маркеры); во-вторых, оба философа сосредоточены на различных аспектах предметно близких тем (социальная природа сознания, мышления, знания; ментальные установки, эмоционально-выразительные телесные движения, ценности, ценностные предпочтения, социальная сущность оценок и т. п.). Работая над статьей «Слово в жизни и слово в поэзии...», ее

автор не мог успеть ознакомиться с опубликованной в том же 1926 г. книгой «Формы знания и общество», частью которой является работа «Проблемы социологии знания» (цитированный выше фрагмент — из нее). До 1926 г. Бахтин был знаком, судя по его ссылкам (см. выше), только с двумя книгами немецкого коллеги, среди которых его особое внимание привлек упоминавшийся нами ранее третий раздел «О чужом Я» книги «Сущность и формы симпатии». Но три «высшие аксиомы» социологии знания Шелера — не что иное, как частично переосмысленные и кратко изложенные идеи этого самого раздела.

В заключение ответим на вопрос, поставленный в начале статьи: является ли социологическая методология Волошинова-Бахтина *действительно* марксистской? Наш ответ отрицательный. Мы не можем однозначно идентифицировать ее с марксистской, поскольку она, как мы показали, далеко не в полной мере соответствует основополагающим принципам учения К. Маркса и Ф. Энгельса, зато обнаруживает идейную и предметно-тематическую близость с феноменологической социологией знания Шелера. Предпринятый нами сравнительный анализ позволяет утверждать, что содержательно-смысловое ядро статьи написано с позиций феноменологической социологии. Но отношение к марксизму Волошинова-Бахтина в этой статье нельзя назвать поверхностной приспособленческой мимикрией. Перед нами — попытка соединить две философско-социологические методологии в одном гуманитарно-научном исследовании. Между тем в той его части, где речь идет о социологически детерминированной структуре художественного сознания, со всей определенностью проступают контуры самобытной «философии диалога» и философии личности М.М. Бахтина, о которых говорил В. Кожин, писали С.Г. Бочаров, В.Л. Махлин, Н.И. Николаев, Н.К. Бонецкая и другие бахтиноведы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост., текстологическая подготовка И.В. Пешкова; Комментарии В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. — 640 с.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. — 957 с.
3. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; Закл. ст. В.В. Кожина. М.: Прогресс, 1996. — 342 с.
4. *Бонецкая Н.К.* Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 560 с.
5. *Бочаров С.Г.* Комментарии к «Проблемам творчества Достоевского» / Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 428–506.
6. *Волошинов В.* Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6. С. 244–267.

7. *Волошинов В.Н.* Фрейдизм. Критический очерк. М.: Лабиринт, 1993. — 120 с.
8. *Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин).* Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / Комментар. В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993. — 189 с.
9. Как пишутся труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа. (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М.М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 109–122.
10. *Козлова Л.А.* Преемственность этапов отечественной социологии в проекции исторического сознания российских социологов // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5816–5831 [электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM) DOI: 10.19181/kongress.2020.685
11. Комментарий № 54. Комментарии // *Бахтин М.М.* Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. — 732 с.
12. *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969. С. 186–224.
13. *Малинкин А.Н.* Концепция феноменологии Макса Шелера. Шелер vs Гуссерль. М.: Русская школа, 2019. — 230 с.
14. *Малинкин А.Н.* Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Ч. 2 // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 4. С. 137–169. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7647
15. *Малинкин А.Н.* К истории отечественной социологии 1920–1930-х гг.: советский марксизм vs «социология знания» // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 3. С. 25–41. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8428
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Соч. Т. 2. Изд. 2-е. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 3–230.
17. *Махлин В.Л.* Комментарии // Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк. М.: Лабиринт, 1993. — 120 с.
18. *Медведев П.Н.* Социологизм без социологии (О методологических работах П.Н. Сакулина) // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова; Комментар. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. С. 66–71.
19. *Медведев Ю.П.* «Воскресение». К истории религиозно-философского кружка А.А. Мейера // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 4. С. 82–90.
20. *Новицкий П.* Социология юбилея Московского Художественного театра // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 6 (30). С. 189–203.
21. Тетрадь без обложки III. (71 заполненная страница). Описание конспектов, предназначенных для использования в книге «Проблемы творчества Достоевского» // *Бахтин М.М.* Собр. соч. в 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 654–758.
22. *Шелер М.* О чужом Я. Опыт эйдологии, теории познания и метафизики опытного познания и реального полагания чужого Я и живых существ //

- Шелер М. О сущности философии. Работы разных лет / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 195–254.
23. Шелер М. Проблемы социологии знания / Пер. с нем., коммент., послесл. А.Н. Малинкина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. — 320 с.
24. Шелер М. Полагание мировоззрения и учение о мировоззрении // О сущности философии. Работы разных лет / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 177–194.
25. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 2. Bern und München: Francke Verlag, 1980. — 659 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** lo_zio@bk.ru

Дата поступления: 15.09.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2022.
VOL. 28. NO. 1. P. 143–170. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8842

*ALEXANDER N. MALINKIN*¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

PHENOMENOLOGICAL ENTHYMEME IN V.N. VOLOSHINOV'S MARXIST SOCIOLOGY OF POETICS. USING THE EXAMPLE OF AN ARTICLE TITLED "WORD IN LIFE AND WORD IN POETRY..."

Abstract. On the example of the article "Word in Life and Word in Poetry. On the Issues of Sociological Poetics" (1926), the author analyzes the sociological methodology used by V.N. Voloshinov (M.M. Bakhtin) in a number of publications in the 1920's and first utilized in this article. The methodology is declared to be Marxist. It is proven that it cannot be unequivocally identified with the Marxist variety, since it does not fully correspond to the fundamental principles of the teachings of K. Marx and F. Engels. The Voloshinov-Bakhtin methodology reveals a conceptual and subject-thematic affinity with Max Scheler's phenomenological sociology. The author believes that the article attempts to combine two philosophical methodologies within a single humanitarian-scientific study. A double comparative analysis is conducted by the author in the context of the results of researching the life and work of M.M. Bakhtin in order to expand the cultural and scientific research space in the history of Russian philosophical sociology.

Keywords: V.N. Voloshinov; M.M. Bakhtin; sociological methodology; Marxism; phenomenology; Max Scheler; phenomenological sociology of knowledge; enthymeme.

For citation: Malinkin, A.N. Phenomenological Enthymeme in V.N. Voloshinov's Marxist Sociology of Poetics. Using the Example of an Article titled "Word in Life and Word in Poetry...". *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 143–170. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8842

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Star'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow: Labirint publ., 2000. 640 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 1: Filosofskaya estetika 1920-kh godov*. [Collected Works in 7 Vols. Vol. 1: Philosophical Aesthetics of the 1920s.] Moscow: Russkie slovari publ.; Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 2003. 957 p. (In Russ.)
3. *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym*. [Conversations by V.D. Duvakin with M.M. Bakhtin.] Pref. by S.G. Bocharov, V.V. Radzishevsky; afterword by V.V. Kozhinov. Moscow: Progress publ., 1996. 342 p. (In Russ.)
4. Bonetskaya N.K. *Bakhtin glazami metafizika*. [Bakhtin through the Eyes of a Metaphysician.] Moscow; St Peretsburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
5. Bocharov S.G. Comments on "Problems of Dostoevsky's Creativity". Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 2*. [Collected Works in 7 Vols. Vol. 2.] Moscow: Russkie slovari afterword publ., 2000. P. 428–506. (In Russ.)
6. Voloshinov V. The Word in Life and the Word in Poetry. To questions of sociological poetics. *Zvezda*. 1926. No. 6. P. 244–267. (In Russ.)
7. Voloshinov V.N. *Freidizm. Kriticheskii ocherk*. [Freudianism. Critical Essay.] Moscow: Labirint publ., 1993. 120 p. (In Russ.)
8. Voloshinov V.N. (M.M. Bakhtin). Marksizm i filosofiya yazyka: osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke. [Marxism and the Philosophy of Language: the Main Problems of the Sociological Method in the Science of Language.] Comment. by V. Makhlin. Moscow: Labirint publ., 1993. 189 p. (In Russ.)
9. How Works are Written, or the Origin of an Uncreated Adventure Novel. (Vadim Kozhinov Talks about the Fate and Personality of M.M. Bakhtin). *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1992. No. 1. P. 109–122. (In Russ.)
10. Kozlova L.A. The Continuity Problem of the Russian Sociology in the Projection of Historical Consciousness of Russian Sociologists. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.)*. [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions: Collection of Reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020).] Ed. by V.A. Mansurov, E.Yu. Ivanova. Moscow: ROS publ.; FNISTs RAN publ., 2020. P. 5816–5831. DOI: 10.19181/kongress.2020.685 (In Russ.)
11. Comment No. 54. Comments. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 5*. [Collected Works in 7 Vols. Vol. 5.] Moscow: Russkie slovari publ., 1997. 732 p. (In Russ.)
12. Levada Yu.A. Historical Consciousness and Scientific Method. *Filosofskie problemy istoricheskoi nauki*. [Philosophical problems of historical science.] Moscow: Nauka publ., 1969. P. 186–224. (In Russ.)
13. Malinkin A.N. *Kontsepsiya fenomenologii Maksa Shelera. Sheler vs Gusserl'*. [The Concept of Phenomenology by Max Scheler. Scheler vs Husserl.] Moscow: Russkaya shkola publ., 2019. 230 p. (In Russ.)
14. Malinkin A.N. Sociology and Philosophy: Inseparable and Non-merged. The Birth of Marxist Sociology from the Spirit of Bolshevism. Part 2. *Sotsiologicheskii*

- Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 137–169. DOI: 10.19181/soc-jour.2020.26.4.7647 (In Russ.)
15. Malinkin A.N. To the History of Russian Sociology of the 1920–1930s: Soviet Marxism vs “Sociology of Knowledge”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 3. P. 25–41. (In Russ.)
 16. Marks K., Engel’s F. The Holy Family, or Critique of Critical Criticism. Against Bruno Bauer and company. *Soch. T. 2*. [Collected works.] 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry publ., 1955. P. 3–230. (In Russ.)
 17. Makhlin V.L. Comments. Voloshinov V.N. Freidizm. Kriticheskii ocherk. [Freudianism. Critical essay.] Moscow: Labirint publ., 1993. 120 p. (In Russ.)
 18. Medvedev P.N. Sociologism without Sociology (On the Methodological Works of P.N. Sakulin). Bakhtin M.M. *Freidizm. Formal’nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filozofiya yazyka. Stat’i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow: Labirint publ., 2000. P. 66–71. (In Russ.)
 19. Medvedev Yu.P. “Resurrection”. On the History of the Religious and Philosophical Circle of A.A. Meyer. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1999. No. 4. P. 82–90. (In Russ.)
 20. Novitskii P. Sociology of the Anniversary of the Moscow Art Theater. *Vestnik Kommunisticheskoi akademii*. 1928. No. 6 (30). P. 189–203. (In Russ.)
 21. Notebook without Sover III. (71 Completed Pages). Description of Abstracts Intended for Use in the Book “Problems of Dostoevsky’s Creativity”. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 2*. [Collected Works in 7 Vols. Vol. 2.] Moscow: Russkie slovari publ., 2000. P. 654–758. (In Russ.)
 22. Sheler M. About the Alien Self. Experience of Eidology, Theory of Knowledge and Metaphysics of Experimental Cognition and Real Positioning of the Alien Self and Living Beings. *O sushchnosti filozofii. Raboty raznykh let*. [On the Essence of Philosophy. Works of Different Years.] Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2020. P. 195–254. (In Russ.)
 23. Sheler M. *Problemy sotsiologii znaniya*. [Problems of the Sociology of Knowledge.] Transl. from Germ., comment., afterword by A.N. Malinkin. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy publ., 2011. 320 p. (In Russ.)
 24. Sheler M. The Positioning of the Worldview and the Doctrine of the Worldview. Sheler M. *O sushchnosti filozofii. Raboty raznykh let*. [On the Essence of Philosophy. Works of Different Years.] Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2020. P. 177–194. (In Russ.)
 25. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. Formalism in Ethics and Material Ethics. New Attempt to Lay the Foundation of an Ethical Personalism. Scheler M. *Gesammelte Werke. Bd. 2*. Bern und München: Francke Verlag, 1980. 659 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57.

Email: lo_zio@bk.ru

Received: 15.09.2021.